ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 316.624.2

ББК 88.52

DOI: 10.33065/2307-1052-2019-1-27-53-63

Исследования подростковой девиантности с учетом идентичности подростков, входящих в территориальные группировки

Семикашева Инна Алексеевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Аннотация. В статье приводится обзор исследований личности подростков, характеризующихся различными видами девиантного поведения. Осуществленные автором исследования проводились при поддержке грантов РГНФ, основой выборки являлись несовершеннолетние, в том числе и женского пола, входящие в территориальные группировки. Анализируется эмпирический материал, накопленный автором на протяжении последних двадцати лет изучения личности данной категории подростков. Автор считает, что только глубокое понимание социально-психологических феноменов, определяющих сферу потенциальных отклонений в личностном развитии и поведении подростков, позволяет разработать адекватные методы профилактической, коррекционной и реабилитационной помощи несовершеннолетним.

Ключевые слова: подросток, подростковая девиантность, девиантное поведение, территориальная группировка, идентичность, статус идентичности.

Studies of Adolescent Deviance, Considering the Identity of Adolescents Belonging to Territorial Groups

Semikashева Inna A.,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Abstract. The article provides an overview of personality studies of adolescents characterized by various types of deviant behaviour. The research carried out by the author was supported with grants from the Russian Humanitarian Science Foundation. The basis of the sample were minors, including girls, who are members of territorial groups. The empirical material accumulated by the author over the past twenty years of studying the personality of this category of adolescents is analyzed. The author believes that only a deep understanding of the socio-psychological phenomena that

determine the scope of potential deviations in the personal development and behaviour of adolescents allows us to develop adequate methods of preventive, remedial and rehabilitation assistance to minors.

Keywords: adolescent, adolescent deviance, deviant behaviour, territorial grouping, identity, identity status.

Следует отметить недостаточную теоретическую разработанность проблемы участия подростков в территориальных группировках, а также редкость работ, посвященных изучению идентичности у данной категории подростков, в то время как высокий уровень групповых правонарушений, совершаемых юношами и девушками, а также рост криминализации в среде несовершеннолетних в целом связывают именно с участием подростков в территориальных группировках. В связи с этим особую значимость приобретает глубокое понимание социально-психологических феноменов, определяющих сферу потенциальных отклонений в личностном развитии и поведении подростков, с целью разработки адекватных методов социально-психологической работы и расширения возможностей профилактической, коррекционной и реабилитационной помощи несовершеннолетним.

Феномен территориальных подростковых группировок известен с 1987 – 90х гг.. На это время приходится пик их активности, и значительная доля исследований посвящена изучению специфических социально-психологических особенностей данных объединений [Комаров 1989; Кондратьев 1997; Кудрявцев 2002; Овчинский 1990; Пальчиков 1991; Полонский 1983; Сундиев 1991; Юсупов 1996], а также – психологических особенностей личности подростков, участников «группировок».

Для выявления социально-психологических особенностей феномена подростковой территориальной группировки на основе подхода Д. И. Фельдштейна [Фельдштейн 1996], согласно которому стихийные подростковые группы, неформальные объединения и криминальные сообщества обладают комплексом специфических социально-психологических особенностей и должны рассматриваться особо, были рассмотрены особенности неформальных объединений [Полонский 1983] и криминогенных молодежных групп [Пирожков 1998].

В результате проведенного анализа были выделены такие социально-психологические особенности территориальной группировки, которые позволяют определить специфику данного феномена: возрастной ценз участников группировки (от 13 до 17 – 18 лет), территориальный принцип организации, жесткая иерархия, основанная на возрастной стратификации, асоциальный характер деятельности, наличие лидера, имеющего асоциальные ориентации, наличие своего языка/униформы, действие особого кодекса поведения и взаимоотношений внутри группировки, длительность существования, высокая численность участников, закрытость, существование круговой поруки, групповых секретов и тайн.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что такие черты, как территориальный принцип организации, возрастной ценз участников сближает группировку с так называемыми социально-нейтральными группами; наличие своего языка/униформы, действие особого кодекса взаимоотношений, высокая численность участников объединяет данное сообщество с неформальными объединениями, а наличие жесткой иерархии, внутренняя закрытость и присутствие лидера, имеющего асоциальные ориентации, – с криминогенными группами.

На основании выделенных социально-психологических признаков территориальной подростковой группировки было дано следующее определение данного феномена:

территориальная подростковая группировка – это внутренне закрытое сообщество, имеющее асоциальные ориентации и состоящее преимущественно из подростков и молодых людей мужского пола, объединенных общей территорией места жительства или учебы, связанных строгой иерархией отношений и разделяющих общую групповую идентичность, проявляющуюся, в частности, в названии группировки и групповом имидже [Семикашева 2003а, б].

В Ульяновске появление первых подростковых территориальных группировок зафиксировано в 1985 – 1986 годах. Наибольший размах группировочное движение достигло к 1992 году. Так, если в 1988 году на учете в ГУВД города находилось 26 группировок, то в 1992 – 33. После работы, проведенной специально созданным штабом по борьбе с негативными явлениями в подростковой среде, количество группировок резко сократилось: в 1995 году насчитывалось 14, а в 1999 – 7 группировок.

В начале второго десятилетия XXI века произошло «возрождение» группировок. Настоящий период развития группировочного движения характеризуется уменьшением численности группировок, уменьшением количества участников, составляющих центральное звено группировки, усилением криминогенности, сращением с организованной преступностью через преобразование отдельных группировок, относящихся к типу «молодых», в «бригады» – организованные криминальные объединения. В то же время на месте территорий, «освобожденных» правоохранительными органами от влияния группировок, через некоторое время отмечается возобновление процесса стихийного сбора подростков в группы, некоторые из которых присваивают себе название и вводят особые правила поведения, в результате чего стихийная, дворовая компания преобразуется в группировку.

В 90-х гг. существовали значительные пробелы в изучении личности подростков, входящих в территориальные группировки. Личность таких подростков исследовалась либо с позиций проявления ими отклоняющегося поведения, либо с точки зрения подхода, отождествляющего группировку с преступной группой, а подростков, входящих в группировки, – с несовершеннолетними правонарушителями.

Проблема развития личности в старшем подростковом возрасте получает глубокое осмысление в концепциях, рассматривающих данный возрастной этап через призму формирования идентичности, – понятие, получившее в психологии глубокую разработанность в работах Э. Эриксона [Erikson 1982].

В настоящее время процесс становления личностной идентичности наиболее активно изучается по модели Дж. Марсия, включающей четыре статуса (варианта) становления идентичности, выделяемых на основании двух критериев: процесса исследования альтернатив и принятия ответственности за выбранные альтернативы. В качестве статусов идентичности рассматривается достигнутая идентичность, кризис идентичности (мораторий), предрешенная идентичность и диффузная идентичность [Marcia 1980].

Модель формирования идентичности Дж. Марсия позволяет рассматривать статус как диагностический критерий для определения уровня достижения личностной идентичности и прогностический критерий для дальнейшего развития личности в целом. Статусы диффузной и предрешенной идентичности рассматриваются как показатели низкого уровня идентичности, а мораторий и достигнутая идентичность являются статусами высокого уровня идентичности [Marcia 1983].

В то же время, диффузная идентичность рассматривается как нормативный вариант личностного развития в младшем и среднем подростковом возрасте, в период, предшествующий вступлению в кризис идентичности. Однако выявление статуса диффузной идентичности в старшем подростковом возрасте и ранней юности может

свидетельствовать о неблагоприятных тенденциях в личностном развитии. Об этом убедительно свидетельствуют исследования, в которых у подростков с данным статусом идентичности были обнаружены такие неблагоприятные для данного возраста психологические особенности, как высокие значения импульсивности, конформности, тревожности, внутреннего конфликта, низкий уровень социальной адаптации. Анализ работ, посвященных изучению личностных характеристик подростков с различными формами отклоняющегося поведения, показал, что последние обнаруживают целый ряд особенностей, совпадающих с симптомами статуса диффузной идентичности.

Анализ подходов к проблеме становления идентичности показывает, что в качестве одного из психологических механизмов формирования идентичности выступают процессы социального сравнения, позволяющие индивиду осознать степень своего сходства и отличия от других людей. На взаимосвязь особенностей протекания процессов социального сравнения и становления идентичности указывает в своих работах Д. Вайнрайх [Weinreich 1983]. В отечественной психологии плодотворно изучалось влияние особенностей ориентиров и типов социального сравнения на формирование Я-концепции и образа Я [Комаров 1989]. При этом чрезмерная идентификация рассматривается как неблагоприятный показатель личностного развития, затрудняющий развитие обособления, отражающего стремление к индивидуализации.

В протекании процессов социального сравнения, а, следовательно, и в формировании идентичности, особую роль играет подростковая группа. Особенности неформальных молодежных объединений подробно рассматриваются в работах Сундиева [Сундиев 1991], Фельдштейна [Фельдштейн 1996] и др. Зависимость процессов социального сравнения от специфических черт социальной среды, в которой они протекают, изучалась в рамках концепции А. В. Петровского (1987). Так, М. Ю. Кондратьевым (1997) были выявлены особенности межличностных отношений, влияющих на взаимопонимание и самопонимание подростков, которые формируются в зависимости от специфических социально-психологических характеристик подростковых общностей [Кондратьев 1997]. К выводу о том, что специфические подростковые общности накладывают отпечаток на протекание процессов социального сравнения, приходят И. С. Кон [Кон 1989] и В. В. Комаров [Комаров 1989] и др.

Таким образом, перед нами стояли две исследовательские задачи: выявить особенности идентичности (статусы идентичности) у подростков, входящих в группировку, и выявить характерные черты процессов социального сравнения. Для формирования экспериментальных групп испытуемых была выбрана территориальная группировка «Новые Дома», одна из наиболее многочисленных и стабильных группировок г. Ульяновска. Исследование было поддержано грантом РГНФ № 02-06-001199а (2002 – 2003 гг.)

С достаточной степенью достоверности статус идентичности может быть выявлен только начиная со старшего подросткового возраста [Marcia 1980, 1983], и именно к 15 – 16 годам стаж пребывания в группировке составляет тот срок (примерно 2 года), который, на наш взгляд, позволяет говорить о существенном влиянии группировки на личность подростка. В то же время, нас интересовали те тенденции в становлении идентичности, которые можно выявить уже в младшем подростковом возрасте, соответствующем небольшому сроку пребывания подростков в группировке.

Для этого было сформировано 4 группы испытуемых. В качестве первой экспериментальной группы выступила группа подростков мужского пола в возрасте 13 лет в количестве 31 человека, находящихся в группировке не более полугода, и относящихся к первой ступени иерархии («шелуха»). Вторая экспериментальная группа состояла из

33 подростков мужского пола 15 – 16 лет, состоявших в группировке не менее двух лет и относящихся к более высоким ступеням иерархии («супера»). В качестве контрольных групп были сформированы две группы подростков из учащихся школ микрорайона, выровненные по полу, возрасту и социальному положению.

Согласно основной гипотезе исследования, мы должны были выявить существенные различия в статусах идентичности и особенностях процессов социального сравнения у подростков с длительным стажем пребывания в группировке, в то время как у подростков, вошедших в группировку недавно, мы предполагали обнаружить минимальные различия.

Результаты изучения социально-психологических особенностей идентичности у подростков 13 лет показали, что подростки обеих групп не демонстрируют статистически достоверных различий в целом ряде показателей, значимых для выявления статуса идентичности и характеризующих уровень их личностного развития в целом. Ведущим типом социального сравнения у испытуемых обеих групп выступает идентификация. В то же время, типы социального сравнения имеют различный психологический смысл для подростков. Как показали результаты кластерного анализа, участники группировки связывают идентификацию с достижением своих максимальных возможностей и оценкой окружающих, в то время как их сверстники считают, что идентификация обеспечит им только социальную оценку, а ожидаемый успех они связывают с собственным превосходством.

Выбор эталонов для сравнения по типу идентификации показывает, что отождествление себя с большой группой характерно для всех испытуемых, что отражает актуальную потребность возраста «быть как все». Выбор объектов в сравнении по типу самокритики обнаруживает важную закономерность: участники группировки считают себя хуже конкретных людей, а их сверстники – хуже киногероев. Предполагается, что преобладание самокритичного типа сравнения с конкретными людьми у подростков, входящих в группировку, связано с присвоением подростками негативных отраженных оценок взрослых и их адаптированных сверстников.

Анализ экспериментальных данных изучения статусов идентичности и параметров социального сравнения у 15 – 16 летних подростков, входящих в группировку на протяжении двух лет, показал, что у таких подростков в большей степени выражен статус диффузной идентичности, что подтверждается как выявленными значимыми отличиями в ряде показателей, связанных с самооценкой и эмоционально-личностными особенностями, так и результатами, полученными в ходе анализа полуструктурированной беседы, направленной на изучение статусов идентичности. Так, у участников группировки была выявлена защитно-высокая самооценка, сопровождающаяся предельно высокими уровнями ожидаемого и желаемого успеха, и предельно высокими значениями перспективной оценки, свидетельствующими о нереалистичности временной перспективы этой группы подростков.

У испытуемых данной группы в большей степени выражено расхождение между Я актуальным и Я идеальным, что является показателем внутреннего конфликта. Наличие внутреннего конфликта подтверждается и изучением психологических особенностей личности: им в большей степени присущи такие черты, соответствующие статусу диффузной идентичности, как тревожность, конформность, чувствительность к критике и чувство социальной неадекватности. Данные, полученные при проведении полуструктурированной беседы, также подтвердили наличие у них статуса диффузной идентичности.

Согласно результатам исследования, подростков, не входящих в группировку, в

большей степени характеризовал статус моратория, что также подтверждается изучением ряда показателей самооценки и психологических особенностей личности и анализом результатов беседы, направленной на выявление статусов идентичности. Так, им была присуща более высокая самооценка, причем полученные данные значения самооценки подтверждались всеми методами изучения самооценки. Высокие уровни ожидаемого и желаемого успеха не являются в этой связи защитно завышенными, а отражают более адекватные представления подростков о своем личностном потенциале. Значения перспективной оценки также являются более реалистичными, что свидетельствует о реалистичности временной перспективы. У данной группы испытуемых отмечается минимальное расхождение между Я актуальным и Я реальным, свидетельствующее о нормативном уровне когнитивного развития, при котором Я идеальное выполняет регулятивные функции по отношению к самооценке.

В психологических особенностях личности мы отметили, что им в меньшей степени присущи такие черты, как тревожность, конформность, внутренний конфликт, чувствительность к критике, чувство социальной неадекватности. Кроме того, у них в большей степени выражены самостоятельность, амбициозность и индивидуализация, соответствующие статусу моратория, что подтверждается изученными особенностями их межличностного взаимодействия. Так, им в меньшей степени присуща социальная заинтересованность, а ведущей тенденцией межличностного взаимодействия является стремление проявлять доминирование и независимость.

Сопоставление полученных данных привело нас к выводу о том, что стремление найти группу, в которой подростки могли бы реализовать актуальную потребность «быть как все», приводит к тому, что группировка, выступая в качестве такой группы, удовлетворяя данную потребность и решая, таким образом, актуальные проблемы подростка, накладывает своеобразный «арест на развитие». Сущность этого феномена выражается в искажении соотношения процессов социального сравнения, что, в свою очередь, влияет на становление диффузной идентичности.

Второе масштабное исследование было посвящено изучению личности лидеров криминогенных группировок (исследование было поддержано грантом РГНФ № 04-06-00307а в 2004 – 2005 гг.) [Семикашева 2005]. Многие криминологи подчеркивают, что в дифференциации группировок решающую роль играют личностные качества лидеров и авторитетов. Действительно, наличие лидера с определенными социально-психологическими особенностями личности является важнейшим фактором, способствующим трансформации неформальных, промежуточных и криминогенных подростково-молодежных объединений в устойчивые, организованные асоциально-криминальные группы.

На наш взгляд, изучение лидеров асоциально-криминальных групп должно опираться на понимание социально-психологических закономерностей влияния, которое такие лидеры оказывают на рядовых членов группы. При этом необходимо было учитывать два аспекта проблемы. Во-первых, возраст участников таких групп, которые, как правило, получают двойное название «подростково-молодежных», что отражает действительный разброс возрастного ценза (от 13 – 14 до 25 лет). В психологии данный возраст соотносится с переживанием кризиса идентичности, периодом исследования альтернатив и принятия решений о выборе и реализации той или иной альтернативы. Одним из важнейших механизмов построения идентичности является процесс идентификации, неосознаваемого отождествления себя с человеком, наделяемым привлекательными для субъекта качествами. В асоциально-криминальных группах объектом идентификации неизбежно будет являться лидер группы, как носитель тех качеств и

умений, которыми подросток стремиться овладеть.

Во-вторых, необходимо было учитывать социальную ситуацию, в которой находятся подростки, вовлеченные в деятельность асоциально-криминальных групп. По мнению многих криминологов, состояние маргинальности является пограничным, сопряженным с антиобщественным поведением и потенциальной криминализацией. Субъективное переживание аутсайдерства, сопровождающее маргинальность, приводит таких подростков в закрытые сообщества, которые в силу особенностей социально-психологической структуры деформируют процесс построения идентичности.

Суть данного феномена заключается, в частности, в сужении социального поля активности личности, ущемлении канала социализации, когда вместо всего многообразия социальных ролей и вариантов поведения, подросток вынужденно оказывается в жестких рамках стратификации и регламентации. В данной ситуации, лидеры, возглавляющие такие группы, становятся практически единственными ролевыми моделями, доступными в качестве объектов идентификации, что определяет становление идентичности ее участников. Важную роль при этом играют параметры идентичности самого лидера. Так, известно, что организаторы групп в просоциальном контексте (профилактические подростковые группы, неформальные объединения позитивной социальной направленности и др.), обладающие статусом достигнутой идентичности, способствуют более интенсивному процессу построения идентичности участников.

В ходе нашего исследования было организовано изучение осужденных лидеров асоциально-криминальных групп в возрасте до 21 года (в качестве испытуемых выступили 28 подростков и юношей: 15 человек из ДВК (Детская Воспитательная Колония, г. Димитровград, Ульяновская область) и 13 человек из ИК-3 (Исправительная Колония №3, г. Димитровград, Ульяновская область). Контрольная группа была сформирована из 30 подростков и юношей, являющихся как лидерами формальных групп (членами студенческих советов, капитанами команд КВН и др.), так и лидерами неформальных групп школ и средних учебных заведений, выровненных по полу и возрасту.

Остановимся на анализе наиболее ярких расхождений. При обработке СМОЛ, значимые расхождения были выявлены по шкалам: 1 (ипохондрии), 2 (депрессии), 3 (истерии), 6 (паранойальности), 7 (психастении) и 8 (шизоидности). Различия выражались в преобладании профилей с повышением по 2, 3, 6, 7 и 8 шкалам у большинства подростков экспериментальной группы и в преобладании профилей с понижением по 1, 2 и 3 шкалам у подростков из контрольной группы. Таким образом, для подростков – лидеров асоциально-криминальных групп были характерны такие черты, как: напряженность, тревожность, жестокость, ригидность, злопамятность, раздражительность, чувство неудовлетворенности, замкнутость, угрюмость. У них чаще выявляются соматические проблемы и агрессивные тенденции со склонностью к дисфории. Подростки контрольной группы чаще характеризовались инициативностью, живостью характера. Им были свойственны такие черты, как жизнерадостность, решительность, эмоциональная устойчивость, пониженная чувствительность к средовым воздействиям, а также самоуверенность, властность и некоторая эгоистичность.

Полученные данные в основном согласуются с результатами других исследований личности преступников [Кудрявцев 2002; Пальчиков 1991].

Было установлено, что лидерам из экспериментальной группы в большей степени присущи такие черты, как скрытность, обособленность, отчужденность (А-), не сентиментальность, жестокость и черствость по отношению к окружающим, а также маскулинные черты (I-), осторожность, настороженность по отношению к людям, стремление возложить ответственность за ошибки на окружающих, раздражительность (L+), консерватизм,

склонность к морализации и нравоучениям (Q1-), независимость, склонность к доминированию в группе (Q2+). Подросткам – лидерам из контрольной группы соответственно свойственны такие черты, как общительность, открытость, готовность к сотрудничеству (A+), чувствительность, впечатлительность, богатство эмоциональных переживаний, феминные черты (I+), терпимость, покладистость, уступчивость (L-), восприимчивость к переменам, свободомыслие, недоверие к авторитетам (Q1+), социабельность, зависимость от мнения группы, коллегиальность (Q2-).

В целом, полученные данные согласуются с результатами других исследований несовершеннолетних делинквентов [Юсупов 1996].

Интересные данные мы получили при анализе рисунков испытуемых. Подростки экспериментальной группы характеризовались такими психологическими особенностями, как демонстративность, маскулинные черты, отгороженность и подозрительность, склонность к аутоагрессии, внутренний конфликт, агрессивность, импульсивность, чувствительность к общественному мнению. У подростков данной группы были также выявлены соматические проблемы, сексуальные проблемы, и страхи. В контрольной группе проявились такие особенности, как амбициозность, энергичность, чувствительность к общественному мнению, агрессивность, импульсивность, склонность к рефлексии, феминные черты. Можно предположить, что более высокий процент агрессивных и импульсивных черт, характерных для контрольной группы, связан с ярко проявляющейся возрастной тенденцией индивидуализации, которая у подростков экспериментальной группы не реализуется ввиду пребывания в закрытом учреждении. Особыми условиями содержания и жизненной ситуацией в целом объясняется наличие страхов, соматических и сексуальных проблем, склонности к аутоагрессии.

Наиболее интересными представляются нам расхождения, полученные по параметрам маскулинности и феминности, подтверждающими результаты, полученные по тесту Кеттелла. В ряде исследований, посвященных данной проблеме, отмечается связь высокой маскулинности с девиантностью у подростков мужского пола. Так, в исследовании Т. Р. Кутузовой и О. В. Смирновой высокая маскулинность мальчиков – подростков коррелировала с плохой социальной адаптацией (у девочек – подростков, напротив, маскулинные черты в сочетании с высокой феминностью способствовали лучшей адаптации). Авторы связывали данный феномен с всеобщей маскулинизацией и попыткой мужчин «перемаскулинить» женщин [Кутузова, Смирнова 1992].

Результаты полуструктурированной беседы, направленной на определение статусов идентичности, выявили значимые расхождения между двумя группами испытуемых по трем статусам идентичности: у лидеров асоциально-криминальных групп преобладали статусы низкого уровня идентичности (63%), в то время как у их сверстников – статусы высокого уровня (74%). Также были выявлены различия в выборе объектов идентификации и в их соотношении с процессами социального сравнения. Так, по результатам кластерного анализа, подросткам из экспериментальной группы свойственно сравнивать себя по типу самокритики с вымышленными персонажами («Я глупее Винни-Пуха»), по типу сходства – с большой недифференцированной группой («Я такой же, как все нормальные пацаны»), а по типу превосходства – с конкретными людьми («Я добрее Сергея Ф.»).

У подростков контрольной группы вариант сопоставления по типу самокритики сцеплен с Я-образом, по типу сходства – с вымышленными персонажами, а по типу превосходства – с большой недифференцированной группой. Тенденция идентифицировать себя с таким размытым объектом, как большая недифференцированная группа, является неблагоприятным показателем. Тенденцию подростков контрольной группы выделять

себя из недифференцированного большинства и самокритично относиться к своему Я-образу мы рассматривали как более благоприятный прогностический показатель построения идентичности во временной перспективе.

Анализ полученных данных с помощью теста Г. Роршаха свидетельствовал о том, что группе криминальных лидеров были свойственны такие психологические особенности, как: дисфункции в когнитивной сфере, нарушения в социальных отношениях, хроническое состояние перегрузки, вызванное неудовлетворенными потребностями наряду с ограниченными ресурсами. В то же время выявленная с помощью данного теста сохранность эмоциональной сферы и готовность большинства к переживанию эмоций может стать основой для построения специфических программ коррекции и реабилитации [Семикашева 2005].

В 2006 – 2007-х гг. было организовано исследование личности девочек-подростков и несовершеннолетних девушек, входящих в территориальные группировки [Семикашева 2007].

В женской преступности начиная с 2000-х годов отмечаются те же негативные тенденции, которые характеризуют современную криминальную ситуацию в целом – омоложение, совершение большего числа насильственных преступлений и вовлечение в организованные формы криминальной деятельности. Участие несовершеннолетних девушек и девочек-подростков в подростковых и молодежных асоциально-криминальных группах представляет особую форму групповой криминальности активности. Анализ литературы и проведенные нами исследования показывают, что кардинально изменился характер участия девушек в сообществах подобного рода (роли, мотивация участия, влияние на криминальную активность такой группы и др.), что в свою очередь, приводит к усилению негативного влияния на процессы социализации таких девушек и их личностное развитие.

Было отобрано две экспериментальные группы: 28 девочек-подростков в возрасте 15 лет и 33 девушки в возрасте 17 лет, обучающихся в различных учебных заведениях города и области. В качестве контрольных групп выступили соответственно 28 и 33 девушки, выровненные по возрасту и социальному положению, обучающиеся в средних специальных учебных заведениях и характеризующиеся просоциальным поведением. Исследование было поддержано грантом РГНФ № 06-06-00575а в 2006 – 2007 гг.

Результаты показали, что в сфере профессиональных ориентаций у 15-летних девочек-подростков экспериментальной группы предпочтительными статусами являются мораторий и предрешенная идентичность, в то время как в контрольной группе преобладают достигнутая идентичность и мораторий. В группах 17-летних девушек это соотношение сохраняется. Однако следует отметить, что в экспериментальных группах у приблизительно половины испытуемых все-таки выявлены статусы высокого уровня идентичности.

В сфере религиозных убеждений у 15-летних девочек экспериментальной группы преобладали статусы предрешенной и диффузной идентичности, а у девочек контрольной группы – достигнутая идентичность и предрешенная идентичность. В группах 17-летних девушек это соотношение сохранялось и становилось еще более четким. Интересно, что с возрастом происходит уменьшение числа девушек в обеих группах со статусами высокого уровня идентичности. Этот неожиданный результат можно, на наш взгляд, объяснить исходя из особенностей религиозной сферы. Действительно, исследование альтернатив и принятые решения относительно своей конфессиональной принадлежности в 15 лет вполне могут претерпеть изменения впоследствии, например, в результате расширения сферы общения и знакомства с представителями других

конфессий. При этом иногда возникают проблемы, связанные с романтическими отношениями представителей двух различных национальных и конфессиональных культур. Можно предположить, что в 17 лет девушки начинают острее осознавать эти различия и процесс построения идентичности в этой сфере запускается вновь.

В сфере идеологических предпочтений ведущим статусом во всех четырех группах оставалась диффузная идентичность. Эти данные подтвердили ранее обсуждаемый в наших работах тезис о том, что идеологическая сфера является самой проблемной для современных подростков, и становление идентичности в ней отодвигается на более поздний возрастной период.

Таким образом, мы констатировали, что в отличие от подростков мужского пола, среди экспериментальных и контрольных групп девочек-подростков и несовершеннолетних девушек не выявлены значимые различия в преобладании статусов идентичности высокого и низкого уровня. На этом основании мы выдвинули предположение о том, что девиантное и делинквентное поведение имеет гораздо более серьезные последствия для личностного развития подростков мужского пола, в то время как личностная структура девушек обладает большей устойчивостью к негативному воздействию.

Еще один результат, на который следует обратить внимание – это высокая степень выраженности статуса предрешенной идентичности в экспериментальных группах испытуемых. Данный статус, несмотря на то, что он относится к низкому уровню развития идентичности, как правило, не представляет особых проблем ни для самих подростков, ни для людей, с ними взаимодействующих. Однако опасность, заключающаяся в преобладании этого статуса, проявляется позднее, когда человек сталкивается с проблемой пересмотра всех своих жизненных ориентаций, целей и убеждений в старшем возрасте. Именно этот статус часто становится ответственным за возникновение серьезных психологических проблем и отклонений в возрасте от 25 до 35 лет.

Данные, полученные с помощью теста Г. Роршаха, показали, что наиболее значимым параметром, отличающим экспериментальную группу, является избегающий стиль, который снижает эффективность когнитивных процессов и влияет на структуру самоотношения и характер межличностных отношений. Это наиболее неблагоприятный фактор, создающий препятствия для полноценного развития психологической структуры личности и тормозящий процессы личностного развития. Избегающий стиль можно рассматривать как защитную стратегию, выстраиваемую для упрощения ориентации в сложных ситуациях, и поэтому его нередко выявляют у детей и младших подростков. Однако стремление сохранять данный стиль в старшем возрасте может привести к фактору хронического риска, обусловленного неумением ориентироваться в сложных жизненных ситуациях и ограничивающего способность индивида эффективно осмысливать реальность. Кроме этого, мышление девушек этой группы характеризовалось ригидностью, приводящей к неспособности изменять отношение или мнения относительно значимых объектов ориентации. Таким людям трудно принять чужую точку зрения, проявить эмпатию и отразить собственное поведение и поведение окружающих их людей.

В качестве общих выводов остановимся на следующих положениях. Во-первых, результаты исследования убедительно свидетельствуют о том, что процесс становления идентичности у подростков, вовлеченных в девиантное и делинквентное поведение, и в частности, входящих в организованные криминальные группы и территориальные группировки, искажается за счет деформации параметров социального сравнения в закрытом сообществе.

Во-вторых, процесс построения идентичности у девушек, вовлеченных в делинквентное и девиантное поведение, несомненно, имеет свои особенности, неблагоприятно

сказывающиеся на их личностном развитии, но степень выраженности негативных тенденций значительно меньше, чем в случае с аналогичной возрастной когортой мальчиков. И хотя в нашем исследовании не ставилась цель провести такое сравнение, мы не можем не отметить, что даже участие в асоциально-криминальных группах не приводит к таким серьезным последствиям в их личностном развитии, как у подростков мужского пола.

В-третьих, одним из наиболее неблагоприятных факторов в становлении идентичности выступает избегающий личностный стиль, ограничивающий адекватное развитие когнитивной сферы в подростковом и юношеском возрасте.

Источники и литература:

1. Комаров В. В. Особенности механизма социального сравнения и пути его коррекции у педагогически запущенных подростков в условиях ограниченного общения. Автореф. канд. психол. наук. Воронеж, 1989. 29 с.
2. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.
3. Кондратьев М. Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 336 с.
4. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. 238 с.
5. Кутузова Т. Р., Смирнова О. В. Роль социальной среды в процессе социально-психологической адаптации. // Гигиена и санитария. 1992. №3. С. 15 – 28.
6. Овчинский В. С. Подростковая преступность в Москве. // Советская юстиция. 1990. № 17. С. 14 – 20.
7. Пальчиков В. А. Девиация поведения как один из объектов психопрофилактики. // Дети с девиантным поведением: психолого-педагогическая реабилитация и коррекция (материалы конференции). Саратов: 1991. С. 37 – 49.
8. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось, 1998. 320 с.
9. Полонский И. С. Внешкольное общение как фактор формирования личности подростков и юношей. // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. С. 123 – 145.
10. Семикашева И. А. Социально-психологическая идентичность подростков - участников территориальных группировок. Автореферат дис.... к. псих. н. Ярославль, 2003а.
11. Семикашева И. А. Социально-психологические особенности идентичности подростков – участников территориальных группировок. // Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2003б. С. 156 – 166.
12. Семикашева И. А. Изучение психологических особенностей идентичности лидеров молодежных асоциально-криминальных групп с помощью теста Роршаха. // Социальные и психолого-педагогические проблемы девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних. Сборник материалов по итогам Второй Региональной Поволжской конференции. Ульяновск: Издательство УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2005. С. 53 – 65.
13. Семикашева И. А. Участие несовершеннолетних девушек в деятельности асоциально-криминальных групп: делинквентность и становление идентичности. // Психолого-педагогические проблемы социального становления личности: сборник научных трудов / под. ред. Н. Н. Никитиной, И. Д. Демаковой. Ульяновск: УлГПУ, 2007. С. 65 – 75.
14. Сундиев И. Ю. Анатомия неформальных объединений (типология и характеристика). // По неписаным законам улицы... : о неформальных молодежных объединениях / ред. и сост. Ю. М. Хотченков. М.: Юридическая литература, 1991. 335 с. С.166 – 170.
15. Фельдштейн Д. И. Психология развивающейся личности: избранные психологические труды. М.; Воронеж: Институт практической психологии: НПО «Модек», 1996. 512 с.
16. Юсупов И. М. Социопатические предпосылки криминальных деяний. Казань, 1996. 27 с.
17. Erikson E. H. The Life Cycle Completed. NY: W. W. Norton @ Co., 1982. 165 p.
18. Marcia J. E. Identity in Adolescence. // Handbook of Adolescent Psychology. NY.: Wiley, 1980. P. 10 – 134.
19. Marcia J. E. Some directions for the investigation of ego development in early adolescence. // The Journal of Early Adolescence. 1983. № 3(3). P. 215 – 223. <http://dx.doi.org/10.1177/0272431683033004>
20. Weinreich P. Psychodynamics of personal and social identity. // Identity: personal and socio-cultural perspectives. Uppsala, 1983. P. 159 – 185.